

И. В. Витер, Е. М. Верещага
РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА.
ГИБЕЛЬ БРОНЕНОСЦА «ПЕТРОПАВЛОВСК»

В 2014 г. исполняется 160 лет со дня героической обороны Петропавловского порта от англо-французской эскадры (1854 г.) и 110 лет с начала Русско-японской войны и событий на западном побережье Камчатского полуострова (1904 г.). Эти события связаны подвигами русских воинов и именем – «Петропавловск». Именно после знаменитой обороны, прославившей Петропавловский порт, имя города, связанное с победой русского оружия, присваивали кораблям русского военного флота. Имя «Петропавловск» носили три корабля, и все первого ранга, – броненосный фрегат, эскадренный броненосец и линейный корабль. Сохранилось это имя и в советском флоте – в нём тоже было три корабля, носящих имя «Петропавловск».

В 80–90-е гг. XIX в. в российской внешней политике все больше проявляется интерес к Дальнему Востоку и бассейну Тихого океана, усиливается приоритет дальневосточного направления. В конце XIX в. происходит укрепление русско-китайских связей, вызванное войной Японии против Китая (1894–1895 гг.). Петербург оказал Пекину дипломатическую поддержку и добился от японцев возвращения Китаю Ляодунского полуострова, захваченного японской армией. Это не позволило Японии установить влияние на материке, в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии). Желая оградить Восточную Азию от новой агрессии, Россия и Китай заключили договор о дружбе и оборонительный союз против Японии (1896 г.). Согласно ему российская сторона получала право проложить железную дорогу (КВЖД) от Читы до Владивостока через территорию Маньчжурии. В 1898 г. был заключен договор на 25-летнюю аренду Россией юго-западной оконечности Ляодунского полуострова (район Квантунского полуострова) и прокладку туда железной дороги. На этом полуострове началось строительство российских морских баз – Дальний и Порт-Артур.

За пять лет аренды Квантуна было сделано много: протянута из России ветка железной дороги, созданы современные порты – Дальний и Порт-Артур, в которых базировался Тихоокеанский флот. Но это могущество оставалось достаточно призрачным. Неразвитость российского Дальнего Востока, слабая связь с ним из-за крайней удаленности от основных центров страны, низкая пропускная способность Сибирской железнодорожной ветки ограничивали военные возможности России в этом регионе.

Перед войной Россия имела на Дальнем Востоке менее 9 % численного состава своей кадровой армии (около 98 тыс. чел.). Эти силы были разбросаны на огромных пространствах от Читы до Владивостока и от Хабаровска до Порт-Артура.

Японии, как островному государству, прежде всего необходимо было добиться господства на море для бесперебойной переброски войск на материк. Японское командование планировало достичь этого за счет внезапного нападения на Тихоокеанскую эскадру в Порт-Артуре и нанесения ей максимальных потерь. На данный удар японцы возлагали огромные надежды. Разгром российского флота позволил бы японской стороне организовать быструю десантную операцию и нанести русским поражение на суше до подхода к ним подкреплений. Российские военно-морские силы на Тихом океане уступали японским не только по численности кораблей, но и по скорости их хода, скорострельности и дальности, площади бронированных бортов и т. д. Тем не менее, поначалу превосходство японского флота было не столь значительным. Оно не позволяло ему сразу добиться полного контроля над морскими коммуникациями. Это становилось возможным лишь при блокаде русского флота в Порт-Артуре. При ином сценарии русские корабли могли нарушить морские сообщения Японии. Это вызвало бы перебои в подвозке войск на материк и не позволило японской армии проводить успешные операции на суше. Для блокады российского флота и была проведена внезапная атака порт-артурской эскадры.

В ночь на 27 января 1904 г. без объявления войны главные силы японского флота в составе 6 броненосцев, 9 крейсеров, в том числе 5 броненосных и 10 миноносцев, под командованием адмирала Х. Того неожиданно атаковал стоящую на внешнем рейде порт-артурскую эскадру под командованием вице-адмирала О. В. Старка, выпустив в общей сложности 16 торпед. Русская эскадра оказалась не готова к отражению атаки, возникла неразбериха (в частности, адмирал Старк в течение часа после начала атаки не верил, что началась война, и с флагманского «Петропавловска» передавались сигналы с требованием прекратить огонь). Японские торпеды миновали флагманский броненосец, но три корабля эскадры – новейшие броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада» получили повреждения.

Это нападение положило начало Русско-японской войне. Утром к Порт-Артуру подошли основные силы японского флота. Они начали обстрел русских кораблей, в результате которого получили повреждения еще 1 броненосец и 4 крейсера. Но попав под огонь береговых батарей, японские корабли были вынуждены отойти. Однако русский флот после этой атаки не решился выйти в открытое море и действовал лишь под прикрытием своих батарей. Нанеся серьезные потери 1-й Тихоокеанской эскадре, Япония захватила господство на море и начала проведение десантной операции.

В тот же день, утром 27 января (1904), другая японская эскадра под командованием контр-адмирала Уриу (6 крейсеров и 8 миноносцев), сопровождавшая транспортные суда с японскими войсками, подошла к корейскому порту Чемульпо (ныне порт Инчхон). Там стояли на рейде два русских корабля – бронепалубный крейсер «Варяг» (капитан 1-го ранга В. Ф. Руднев) и канонерская лодка «Кореец» (капитан 2-го ранга Г. П. Беляев). В этой ситуации Руднев принял решение пробиться в Порт-Артур. Оба российских корабля вышли в море, где были атакованы японской эскадрой у о. Йодолми. В ожесточенном бою «Варяг» повредил у японцев 2 крейсера и потопил 1 миноносец. Но и сам он получил в неравной схватке тяжелые повреждения, которые не позволили Рудневу выполнить поставленную задачу. Не желая сдавать свои корабли японцам, русские моряки затопили «Варяг» и взорвали «Кореец», а затем через нейтральные порты вернулись на родину. Участники этого сражения награждены специальной медалью с надписью «За бой “Варяга” и “Корейца” 27 янв. 1904 г. – “Чемульпо”». Расправившись с русскими кораблями в заливе Чемульпо, японцы смогли беспрепятственно начать здесь высадку своей 1-й армии во главе с генералом Куроки.

Представленные в этой статье документы и публикации рассказывают об одном эпизоде Русско-японской войны – гибели броненосца «Петропавловск» и последующих событиях, связанных с ним.

Броненосец «Петропавловск» был заложен на Галерном острове в Санкт-Петербурге 7 мая 1892 г. в торжественной обстановке в присутствии императора Александра III.

В октябре 1897 г. «Петропавловск» был переведён из Санкт-Петербурга в Кронштадт, где продолжал дооснащение. В 1898 г. на нём установили артиллерию, и окончательно броненосец был укомплектован к лету 1899 г. 5 октября «Петропавловск» ушел на Дальний Восток. В Порт-Артур броненосец прибыл в марте 1900 г. и почти сразу принял участие в манёврах эскадры, которой в тот момент командовал вице-адмирал Я. А. Гильдебрандт. С декабря 1901 г. «Петропавловском» командовал капитан 1-го ранга Н. М. Яковлев.

С 9 октября 1902 г. на нём держал свой флаг новый командующий эскадрой контр-адмирал О. В. Старк. В 1903 г. «Петропавловск» участвовал во всех манёврах и походах эскадры, в частности в Чемульпо и Владивосток. В ночь на 27 января 1904 г. «Петропавловск», как и большинство кораблей Тихоокеанской эскадры, находился на внешнем рейде под флагом командующего.

Итогом первых дней войны, когда бездарно было потеряно несколько кораблей, а инициативой полностью завладели японцы, стало снятие Старка и назначение нового командующего. 1 февраля 1904 г. командующим 1-й Тихоокеанской эскадрой был назначен известный флотоводец – вице-адмирал Степан Осипович Макаров. Он прибыл в Порт-Артур 24 февраля, поднял свой флаг на крейсере «Аскольд», но через три дня перенёс его на «Петропавловск» и деятельно начал готовить флот к активным действиям. При нём усиливались учебные тренировки экипажей, корабли были приведены в боевую готовность. В течение последующего месяца корабль вместе с эскадрой совершил пять выходов в море для отработки совместного маневрирования. Началась активная минная война, были отбиты попытки японцев закрыть выход из порт-артурской гавани с помощью затопления брандеров. Русские корабли стали смелее выходить в море. Все это усилило боеспособность флота и укрепило боевой дух личного состава. 9 марта русская эскадра в течение двух часов вела перестрелку с практически всем японским флотом.

Потерпев неудачу в попытках заблокировать выход из Порт-Артурской гавани парходами-брандерами, адмирал Х. Того разработал новый план. Суть его заключалась в том, чтобы скрытно поставить напротив выхода из гавани минное заграждение, а затем выманить на него русскую эскадру отрядом «приманкой» из крейсеров. Минная постановка была проведена в ночь на 31 марта минным заградителем «Корю Мару» под прикрытием четырёх отрядов миноносцев. Японский отряд был обнаружен, но не атакован, поскольку С. О. Макаров посчитал, что подозрительные корабли – русские миноносцы, направленные им в дозор: накануне вечером командующий флотом решил провести ночной поиск в районе о-вов Элиот (близ восточного побережья Ляодунского п-ва) и в случае обнаружения противника атаковать его торпедами.

Не ожидая выхода всех кораблей, С. О. Макаров в 7 часов повёл броненосцы «Петропав-

ловск», «Полтава» и четыре крейсера к месту гибели «Страшного», успешно миновав минное поле. «Петропавловск» открыл огонь по японским крейсерам; японцы отступили на восток, где вскоре показались главные силы их флота. Русский отряд повернул к Порт-Артуру.

Здесь к нему присоединились броненосцы «Победа» и «Пересвет», после чего С. О. Макаров вновь пошёл на сближение с противником. На мачте «Петропавловска» взвился сигнал: «миноносцам войти в гавань», и он на малом ходу начал поворот вправо.

В 9.43 в носовой части корабля с правого борта раздался взрыв, пришедшийся на район носовой башни главного калибра, где сдетонировал боезапас. Силой взрыва были сброшены за борт носовая 305-мм орудийная башня, дымовые трубы и кожухи. Обрушившаяся фок-мачта разворотила командирский и ходовой мостики. Через минуту броненосец погрузился в воду носовой частью. Затем последовал взрыв котлов, после которого «Петропавловск», разломившись на две части, ушёл под воду.

Шлюпки с других кораблей бросились подбирать плававших в воде людей. Удалось спасти 80 человек, включая командира корабля капитана 1-го ранга Н. М. Яковлева, а также начальника военно-морского отдела штаба командующего флотом на Тихом океане контр-адмирала великого князя Кирилла Владимировича (двоюродного брата императора Николая II). Но поиски командующего флотом не принесли результатов. Вице-адмирал С. О. Макаров погиб вместе с 10 штабными офицерами, включая начальника штаба контр-адмирала М. П. Моласа, 17 или 18 корабельными офицерами, 620 или 652 матросами (данные о числе погибших в разных источниках отличаются) и известным художником-баталистом В. В. Верещагиным, делавшим наброски для будущих картин во время похода.

По общему мнению, гибель Макарова стала катастрофой для морских сил России на Тихом океане. Отныне 1-я Тихоокеанская эскадра перестала вести активную борьбу за господство на море.

Таким образом, японцы выиграли первый и, пожалуй, самый важный для них этап войны. Они сумели блокировать русский флот в Порт-Артуре, создав себе временную морскую базу на о-вах Элиот, и начали высадку на материк сухопутной армии.

В августе 1905 г. в г. Портсмут (США) был подписан мирный договор. Россия уступала Южный Сахалин Японии, а также передавала ей арендные права на Ляодунский полуостров с проведенной к нему веткой железной дороги. Русские войска выводились из Маньчжурии, а Корея становилась зоной японского влияния. Безвозвратные потери русской армии в этой войне превысили 48 тыс. чел.

Для России поражение в войне означало потерю высокого статуса океанской державы и прекращение активной, наступательной политики в перспективном Тихоокеанском регионе. Война с Японией выявила незащищенность дальневосточных рубежей страны, обратила внимание правительства на проблемы Сибири и Дальнего Востока. В результате столыпинской переселенческой политики русское население Сибири и Дальнего Востока удвоилось, с 1906 по 1913 г. на восток переехали 3,5 млн чел. Это имело не только хозяйственное, но и стратегическое значение.

Однако в более далекой перспективе от этой войны пострадала и Япония. После успеха 1905 г. японцы переоценили свои силы и постепенно развернули гигантскую экспансию в Тихоокеанском регионе. Это закончилось для них в 1945 г. катастрофой.

Воспоминания и документы

«№ 67. 24 января 1904 год.

Секретная телеграмма Барона Розена. Токио, 24-го Января/6-го Февраля 1904 г.

Сейчас был у Барона Комура по приглашению. Он мне сообщил, что Японское правительство видит себя, к сожалению, вынужденным прекратить дипломатические сношения с Россией, что вчера вечером послано Курино по телеграфу приказание уведомить об этом Ваше Сиятельство и затем выехать из России с персоналом Миссии и Консульств, что Японское правительство гарантирует мне с семейством, членам Миссии и Консульств полную безопасность до выезда из Японии; те русские подданные, которые пожелают остаться в Японии, будут пользоваться полным покровительством Японского правительства в уверенности, что Русское правительство отнесется таким же образом к Японским подданным, которые останутся в Русских пределах. Почтительнейше прошу указаний, кому передать здание Миссии и Консульств и как поступить с архивом. Можем ли мы выехать в будущую пятницу на французском почтовом пароходе» (1, л. 10–10об).

«№ 92. 28 января 1904 г.

Секретная телеграмма Ген.-Ад. Алексеева.

Порт-Артур, 27 Января 1904 г.

Остаток ночи после атаки Японских миноносцев прошел в приготовлениях к встрече возможных дальнейших нападений. В 11 час. показалась Японская эскадра из 12 судов и приступила к бомбардировке Артура. Снаряды 8 и 12-дюймовые разрывались в Фортных частях города, производя опустошение. Убито два нижних чина. Тотчас был открыт со всех фортов и эскадры огонь, заставивший Японцев после часовой пальбы удалиться. У нас легко ранены два офицера, нижних чинов выбыло из строя около 50» (1, л. 93).

«№ 89. (?)28 Января 1904 г.

Секретная телеграмма Надв. Сов. Плансона. Порт-Артур, 27 Января/9 Февраля 1904 года,

В ночь на 27-го Января отряд японских миноносцев неожиданно напал на нашу эскадру, стоящую на рейде Артура. Цесаревич, Ретвизан и Паллада получили сильные пробоины. Эскадра открыла огонь, продолжавшийся около часа, но миноносцы успели уйти. За несколько часов до нападения 26-го утром в Артур прибыл из Чифу под Английским Флагом Японский Консул с секретарем и приставом, чтобы вывести желающих Японцев. Ему оказано полное содействие и внимание, обещано покровительство остающимся Японцам. Из Артура он отправился в Дальний, предполагая отплыть на другой день утром» (1, л. 92–92об).

«№ 198, т. е. (?) 6-го Февраля 1904 г. Секретная телеграмма Д. С. С. Павлова.

Шанхай, 4/17 Февраля 1904 года. Телеграфирую в Порт-Артур.

26-го Января, в виду полного прекращения телеграфных сообщений и продолжавшихся со стороны Японцев военных приготовлений, я решил послать стоящую в Чемульпо лодку “Кореец” с почтою в Артур, предупредив крейсер “Варяг”, чтобы он был готов ко всяким случайностям. Выходя в 4 часа дня с рейда, “Кореец” встретил Японскую эскадру: 6 больших крейсеров, 8 миноносцев. Один крейсер стал преследовать “Корейца”, вследствие чего последний повернул обратно в Чемульпо. В это время он был окружен миноносцами, которые сделали по нем 3 выстрела минами, без результата. “Кореец”, считая себя в нейтральных водах, не стрелял и, вернувшись на рейд, стал на якорь. Ночью с японских транспортов высадилось около 3000 войск, большинство коих тотчас отправились в Сеул, заняли его. Корейские власти, войска бездействовали. На следующее утро Командир “Варяга” получил от Японского Адмирала официальное уведомление о начале враждебных действий с приглашением покинуть рейд до полудня, под угрозой, в противном случае, атаковать на рейде всю эскадру. В то же утро командиры иностранных судов в Чемульпо получили от Японского же адмирала предложение удалиться с рейда до 4-х часов дня, если русские суда не уйдут. Командир “Варяга” принял вызов и вместе с “Корейцем” вышел за пределы рейда, тогда японцы, предложив сигналом сдаться, не получив ответа, открыли огонь всю эскадру. После часового жестокого боя, во время коего на “Варяге” неприятельскими выстрелами приведена в негодность почти вся артиллерия, причинены опасные подводные пробоины и выведены из строя до 200 убитыми и ранеными, наши суда вернулись на рейд в расчете исправить важнейшие повреждения. Но, убедившись в невозможности возобновить бой и не желая, чтобы суда наши достались неприятелям, Командир Варяга решил сам потопить оба судна, свезя раненых и прочую команду на французский, английский и итальянский крейсера, проявившие самое деятельное и горячее участие. Одновременно был сожжен и потоплен собственным экипажем прибывший накануне русский пароход “Сунгарри”» (2, л. 45–46).

«№ 553. 1 апреля 1904 г. Секретная телеграмма Колл. Сов. Плансона.

Мукден, 31 Марта/13 Апреля 1904 года.

Произошло ужасное несчастье. Возвращаясь в порт во главе эскадры Флагманский корабль “Петропавловск” близ Золотой Горы наткнулся на мину или подводную лодку и почти моментально пошел ко дну. Спаслись ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КИРИЛ[Л] ВЛАДИМИРОВИЧ, Командир Яковлев и еще несколько человек. Остальные, в том числе Адмиралы Макаров и Молас погибли. Затонул также миноносец. Наместник тотчас выезжает в Артур» (3, л. 15).

«Всеподданнейшая телеграмма Наместника генерал-адъютанта Алексеева от 8-го апреля 1904 года
Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству: 29-го марта эскадра в пол-

ном составе выходила по створу на 6 миль на юг в море, для производства эволюций и к вечеру вернулась в гавань. 30-го марта отряд из 8-ми миноносцев выходил для осмотра островов, имея приказание, при встрече с неприятелем, его атаковать. Во время ночного перехода и сильного дождя от отряда отделились три миноносца, из которых два пришли с рассветом в Артур, причем один из них, встретив 4 неприятельских миноносца, обошел их мористее. Третий миноносец, “Страшный”, согласно показаниям нижних чинов, встретив несколько идущих японских миноносцев, принял их в темноте за своих, почему, сделав опознавательный сигнал, пошел совместно с ними, но с рассветом был узан неприятелем. В последовавшем бою, на близком расстоянии, убиты командир капитан 2-го ранга Юрасовский, мичман Акинфиев, механик Дмитриев и большинство команды. Раненый лейтенант Малеев продолжал лично стрелять по неприятелю из пулемета.

Вышедший 31-го марта на рассвете навстречу миноносцам крейсер “Баян” шел полным ходом на выручку и около 16 миль от Артура увидел сражавшийся с 4-мя японскими миноносцами миноносец “Страшный”, на котором вскоре последовал взрыв, и он затонул. Отогнав выстрелами неприятельские миноносцы, крейсер “Баян”, подойдя к месту боя и спустив шлюпки, успел спасти оставшихся, к сожалению, всего 5 человек, плававших на поверхности. Спасая людей, крейсер вынужден был правым бортом вступить в бой с подходившими 6-ю японскими крейсерами. Подняв шлюпки, “Баян” пошел в Артур, не понеся потерь или повреждений, хотя и получил много осколков снарядов. На подкрепление ему спешили “Диана” и 5 миноносцев. В это же время вышли на рейд остальные крейсера, броненосцы “Петропавловск” и “Полтава” и часть миноносцев. Остальные броненосцы выходили еще из гавани. Построившись в кильватерную колонну, с “Баяном” головным и миноносцами на фланге, командующий флотом пошел к месту боя “Страшного”, куда вновь подошли японские миноносцы и крейсера. После короткой перестрелки, с 60-ти кабельтовых, неприятельские суда повернули в море. В 8 часов 40 мин. утра открылась эскадра японских броненосцев из 9-ти судов, почему наши суда пошли к Артуру, где на рейде к ним присоединились “Победа”, “Пересвет” и “Севастополь”, вышедший из прохода. Эскадра затем построилась в следующий строй: “Аскольд”, “Баян”, “Диана”, “Петропавловск”, “Пересвет”, “Победа”, “Новик”, пять миноносцев и два минных крейсера на левом траверсе. Подойдя к входному створу, миноносцам сигналом было приказано идти в гавань, а крейсерам вступить в кильватер. Перестроившись, “Петропавловск”, находясь головным, повернул на ост и стал склоняться вправо к неприятелю. В 9 час. 43 мин. у правого борта “Петропавловска” последовал взрыв, затем второй под мостиком, более сильный, с густым высоким столбом желто-зеленого дыма, причем фок-мачта, труба, мостик и башня поднялись кверху. Броненосец накренился на правый борт, корма приподнялась, оголив работавший на воздухе винт, и “Петропавловск”, объятый весь пламенем, не более, как через 2 минуты, потонул, погрузившись носом. Часть людей спаслась на юте. Крейсеру “Гайдамак”, находившемуся в одном кабельтове от “Петропавловска”, своими шлюпками и прямо с крейсера удалось спасти его императорское высочество великого князя Кирилла Владимировича, 2-х офицеров и 47 человек команды. Подоспевшие миноносцы и шлюпки с “Полтавы” и “Аскольда” также спасали людей. Всего спасено офицеров 7, нижних чинов 73. Следовавший в кильватере в 2-х кабельтовых броненосец “Полтава” застопорил машину и оставался на месте гибели. По сигналу младшего флагмана контр-адмирала князя Ухтомскаго, остальные суда пошли ко входу, перестраиваясь в кильватер “Пересвету”. При пересечении линии створа, под правым бортом броненосца “Победа” последовал взрыв миной. Броненосец накренился, но продолжал путь и вошел в гавань, а за ним все остальные суда. Неприятель продолжал держаться в виду до 3-х часов я удалился. Ночью, предшествовавшей выходу эскадры, были замечены вдали на рейде огоньки и силуэты судов, причем командующий флотом лично наблюдал до утра за всем происходившим с дежурного крейсера “Диана”, стоявшего на наружном рейде на бочках, и съехал с него в 4 часа утра.

В заключение приемлю смелость всеподданнейше доложить, что, не взирая на неудачи, постигшие тихоокеанский флот, дух команды остается на высоте своего долга и высокомилюстивые слова Вашего Императорскаго Величества, обращенные к морякам в тяжелую минуту испытаний, служат высоким утешением и поддержкою всему личному составу в его трудах, направленных к преодолению врага во славу возлюбленного Монарха и Отечества» (6, с. 17–19).

Из дневника А. В. Колчака. (В сентябре 1899 г. на «Петропавловск», незадолго до ухода на Дальний Восток, был назначен вахтенным начальником А. В. Колчак. На «Петропавловске» он надеялся продолжить свои исследования гидрологии северных районов Тихого океана, но по прибытии в Средиземное море он покинул корабль, получив предложение барона Э. В. Толля принять участие

в полярной экспедиции. В декабре 1902 г. все участники экспедиции прибыли в Петербург, а в 1903 г., в январе Колчак выехал в Архангельск и далее к земле Беннета на поиски пропавших барона Э. Толля и его спутников. А. В. Колчак бы удостоен высшей научной награды Русского географического общества – большой золотой медали Великого князя Константина «За необыкновенный и важный географический подвиг, сопряженный с риском для собственной жизни» (8, с. 84). 18 марта 1904 г. А. В. Колчак прибывает в Порт-Артур и назначается вахтенным начальником на крейсер «Аскольд».)

«На следующую ночь (31 марта) на внешнем рейде дежурила “Диана”, куда и перебрался Макаров со штабом вечером 30 марта. Ночь была ненастная, шёл мокрый снег, море волновалось. Около полуночи сигнальщики “Дианы” стали замечать какие-то движущиеся пятна. Иногда они попадали в свет прожекторов. Пошли доложить Макарову, который спал в кресле не раздеваясь. Адмирал, как говорят, ничего во тьме не разглядел и вернулся в каюту. Между тем, со сторожевых постов на Лаотешане тоже заметили какие-то силуэты, и адмиралу позвонили из штаба Стесселя с просьбой разрешить сделать несколько выстрелов с фортов. Командиру “Дианы” тоже хотелось пальнуть по подозрительным теням. Макаров вновь поднялся на мостик и вроде бы сказал недовольно: “Вам всюду чудятся японские суда”. Открыть огонь он не разрешил, опасаясь, видимо, расстрелять собственные миноносцы, отправленные в разведку. Возможно, он подумал, что они собрались у входа и ждут рассвета, опасаясь попасть под огонь береговых батарей. Ещё затемно Макаров вернулся со штабом на “Петропавловск”. Затем с моря слышались раскаты артиллерийской канонады. Хмурый рассвет открыл такую картину: группа русских миноносцев пробивается к входу в гавань, отстреливаясь от нападающих на них лёгких крейсеров, а далеко в море один из наших миноносцев ведёт отчаянный бой с окружившими его японскими миноносцами. Потом выяснилось, что это “Страшный”, отставший от своего отряда и оказавшийся среди неприятельских миноносцев, которых он в темноте принял за своих.

Узнав об этом, Макаров утвердился в мысли, что ночью вдали мелькали тени вернувшихся с разведки миноносцев. Тотчас же он приказал броненосцам разводиться пары и выходить на внешний рейд, крейсерам же – спешить на выручку миноносцам. Первым на рейд выскочил броненосный крейсер “Баян” под командованием Р. Н. Вирена. Прикрыв собой отряд миноносцев, “Баян” дал им возможность пройти в гавань, а затем поспешил к “Страшному”. Помощь, однако, запоздала – над “Страшным” уже сомкнулись волны. Но “Баян” сделал всё, что мог: отстреливаясь правым бортом от японских крейсеров и миноносцев, с левого борта попытался спасти людей со “Страшного”. Спасти удалось только четверых. Наконец приказал поднять сигнал: “«Севастополю» остаться в гавани”. Трудно сказать, хотел ли адмирал после этого всё же вступить в бой или же собирался дать приказ вернуться в гавань».

Всё дальнейшее Колчак мог видеть с «Аскольда» своими глазами. «Внезапно раздался глухой и мощный взрыв, и носовую часть “Петропавловска” окутало облако буро-жёлтого дыма (отличительная особенность японских взрывчатых веществ). Когда дым немного рассеялся, стало видно, что броненосец осел носом и накренился на правый борт. Прогремело ещё несколько взрывов, которые уже не давали такого густого облака. Корабль быстро уходил носом в воду, так что задралась вверх корма с работающими винтами. С кормы один за другим прыгали люди, попадая в железные лопасти, а сверху падали громадные обломки. Эта страшная картина заняла не более двух минут, а затем на месте флагманского броненосца осталась лишь лёгкая крутящаяся зыбь с деревянными обломками, а облако пара и дыма унёс ветер.

К месту гибели заспешили шлюпки с разных судов. С “Аскольда” был спущен вельбот, которым ловко управлял мичман Василий Альтфатер. К счастью, крупной волны не было и удалось спасти 72 человека из более 700, находившихся на борту. Поднят был из воды и тяжелораненый командир корабля капитан 1-го ранга Н. М. Яковлев, во время взрыва стоявший на мостике рядом с Макаровым. Спасли Кирилла Владимировича – двоюродного брата Николая П. По словам очевидцев, он был в шоке, с трудом отвечал на вопросы. Его доставили в вагон Бориса Владимировича Романова, и через час братья уже мчались на север, прочь от Порт-Артура» (8, с. 157).

Из воспоминаний Великого Князя Кирилла Владимировича.

«Пасмурное утро 31 марта. Ночью погиб в неравной борьбе наш миноносец “Страшный”. Эту печальную весть нам передал вернувшийся “Баян”, которому под сильным огнем удалось спасти из команды “Страшного” всего только пятерых. Макаров не мог примириться с мыслью, что там, на месте гибели “Страшного”, могло остаться еще несколько человек из команды миноносца, беспомощно борющихся со смертью. Он хотел лично убедиться, надеясь хоть с боем, но спасти своих...

и “Баяну” было приказано идти вперед, чтобы указать место гибели “Страшного”. Наша эскадра стала выходить из гавани, и “Петропавловск”, на который я перешел со штабом адмирала Макарова с “Дианы”, уже около 7 час. утра вышел на внешний рейд; остальные броненосцы несколько задержались на внутреннем рейде. “Баян” вышел вперед, а мы довольно большим ходом, узлов 14, шли за ним в кильватер. Весь штаб адмирала находился на мостике. Вскоре “Баян” сигнализировал, что заметил неприятеля, который, немного спустя, открыл огонь по “Баяну”. Адмирал Макаров решил идти вперед, и наш отряд стал отвечать на огонь неприятеля. При нашем приближении японцы повернули и стали быстро удаляться. Немного спустя на горизонте показалась другая неприятельская эскадра. Увидя перед собою значительно превосходящие силы противника, адмирал Макаров решил повернуть назад, чтобы быть ближе к береговым батареям. Мы повернули и пошли большим ходом к Артуру. Неприятель остановился в какой-то нерешительности. Находясь уже под защитой береговых батарей, “Петропавловск” уменьшил ход, и команда была отпущена обедать; офицеры стали понемногу расходиться. На мостике остались: адмирал Макаров, командир “Петропавловска” капитан 1 ранга Яковлев, контр-адмирал Молас, лейтенант Вульф, художник Верещагин и я. Я стоял с Верещагиным на правой стороне мостика. Верещагин делал наброски с японской эскадры и, рассказывая о своем участии во многих кампаниях, с большой уверенностью говорил, что глубоко убежден, что, где находится он, там ничего не может случиться. Вдруг раздался неимоверный силы взрыв... Броненосец содрогнулся, и страшной силы струя горячего, удушливого газа обожгла мне лицо. Воздух наполнился тяжелым, едким запахом, как мне показалось – запахом нашего пороха. Увидя, что броненосец быстро кренится на правый борт, я мигом перебежал на левую сторону... По дороге мне пришлось перескочить через труп адмирала Моласа, который лежал с окровавленной головой рядом с трупами двух сигнальщиков. Перепрыгнув через поручни, я вскочил на носовую 12 башню. Я ясно видел и сознавал, что произошел взрыв наших погребов, что броненосец гибнет... Весь правый борт уже был в бурунах, вода огромной волной с шумом заливала броненосец... и “Петропавловск”, с движением вперед, быстро погружался носом в морскую пучину. В первый момент у меня было стремление спрыгнуть с башни на палубу, но, сознавая, что так могу сломать себе ноги, я быстро опустился на руках, держась за верхнюю кромку башни, и бросился в воду. Сильным течением меня бросило и ударило о левую носовую 6 башню а затем подхватило волной и водоворотом и выбросило за борт. Здесь с какой-то бешеной силой и быстротой меня стало вертеть и увлекать вниз. Страшный шум воды, абсолютная тьма, при полном, однако, сознании. Я ясно сознавал неизбежность гибели. Помню, что успел перекреститься и начал молиться, вспомнив своих родных и близких. Казалось, что настает последняя минута, так как у меня уже не хватало дыхания, и я начал захлебываться. Инстинктивно я стал делать движение руками и ногами и, к моему удивлению, вскоре почувствовал, что снова поднимаюсь, так как становилось все светлее и светлее. Сознание, что я поднимаюсь, снова вернуло мне надежду и придало энергии и силы. Еще момент безумной борьбы, и я был на поверхности уже довольно спокойного моря. Схватившись за какой-то обломок и оглядевшись, я увидел, что нахожусь в значительном расстоянии от несчастного “Петропавловска”, который продолжал быстро погружаться, причем кормовая часть стояла почти вертикально, и винты продолжали вращаться. Этот момент особенно врезался в память. Заметив, что мимо меня плывет крыша рубки парового катера, я бросил свой обломок и схватился за поручни этой крыши. В это время я увидел и узнал плывшего мимо меня мичмана Шлиппе. Я окликнул его, но он мне ничего не ответил, – у него, как потом оказалось, были перебиты обе барабанные перепонки. Кругом никого, кроме мичмана Шлиппе, не было. Наконец вдали показались шлюпки, я стал кричать, но меня никто не слышал. Несмотря на свое беспомощное состояние я все еще не терял надежды на спасение, и силы, как мне казалось, еще меня не оставляли. Вскоре меня заметили, и я увидел быстро приближавшуюся шлюпку с “Тайдамака”. Громко и спокойно на шлюпке распоряжался мичман Яковлев. С большим трудом два матроса подняли меня в сильно намокшем ватном пальто на шлюпку. С этой шлюпки меня пересадили на шестерку с миноносца “Бесшумный”, на который и доставили. Здесь, в каюте командира, меня растерли водкой, переодели, дали коньяку. Сейчас же сообщили на берег моему брату Борису, который с Золотой горы видел всю катастрофу. Вскоре брат приехал и перевез меня с миноносца к себе в поезд. Весть о гибели адмирала Макарова, сознание, что для флота и России – это незаменимая потеря, гибель многих товарищей, смерть моего лучшего друга, лейтенанта фон Кубе – все это было таким ударом, следы которого вряд ли когда-нибудь могли бы изгладиться из памяти. Великий Князь Кирилл Владимирович» (7, № 1921).

«Список офицеров, находившихся на эскадренном броненосце “Петропавловск”:

Командующий флотом в Тихом океане, вице-адмирал Степан Осипович Макаров (погиб).
Начальн. штаба, контр-адмирал Мих. Пав. Молаас (погиб).
Нач. воен.-мор. отд. флиг.-адъют. кап. 2-го ранга его императорское высочество великий князь Кирилл Владимирович (спасен).
Нач. воен. отд. полк. генерального штаба Агапиев (погиб).
Фл.-кап., кап. 2-го ранга Михаил Васильев 2-й (погиб).
Фл.-офиц. лейт. Николай фон-Кубе (погиб).
Фл.-офиц. мич. Влад. Шмидт (спасен).
Фл.-офид. мич. Павелъ Бурачек (погиб).
Фл. мин. кап. 2-го ранга Константинъ фон-Шульц (погиб).
Фл. арт. кап. 2-го ранга Андрей Мякишев (погиб).
Фл. шт. кор. фл. шт. подполк. Александр Коробицын (погиб).
Делопроизв. тит. советн. Константин Ладанов (погиб).
Командиръ кап. 1-го ранга, Яковлев (спасен).
Старш. офиц. лейт. Александр Лодыгин (погиб).
Вахт. нач. мичм. барон Николай фон-Клебек (погиб).
Вахт. нач. мичм. Алексей Окунев (погиб).
Ревизоръ мичм. Петр Акимов 5-й (погиб).
Старш. мин. лейт. Константин Унковский (спасен).
Мл. мин. лейт. Николай Гениш 2-й (спасен).
Ст. арт. лейт. Любим Кнорринг 1-1 (погиб).
Мл. шт. Владимир Вульф (погиб).
Вахт. офиц. мичм. Николай Шлиппе (спасен).
Вахт. офиц. мичм. Петр Лепешкин (погиб).
И. д. ст. суд. мех. п-къ ст. инж.-мех. Антон Перковский 2-й (погиб).
П-к ст. суд. мех. мл. инж.-мех. Генрих Сейпел (погиб).
Мл. суд. мех. мл. инж.-мех. Дмитрий Смирнов (погиб).
Старш. врачъ надв. сов. Андрей Волкович (погиб).
Мл. врач лекаръ Иван Костромитинов (погиб).
Комис. тит. сов. Александр Шмидт (погиб).
Иеромонах о. Алексей (погиб).
Кап. 2-го ранга Кроун (погиб).
Художникъ Верещагин (погиб).
Мичм. Шишко (погиб).
Мичм. Бодиско (погиб)».

(В телеграмме «Росс. Телегр. агентства» из Харбина от 29-го апреля напечатано: «Нас уполномочили заявить, что в официальном списке офицеров “Петропавловска”, напечатанном в № 79 “Правительственного Вестника” пропущен погибший мичман Лев Петрович Шмидт, назначенный на “Петропавловск” за 4 дня до его гибели») (6, 13).

В 1909 г. корпус затонувшего корабля, лежащий на расстоянии около 2,5 мили от берега на глубине около 36 м, приобрел предприниматель Сакурая Цериносукэ, рассчитывавший обнаружить судовую кассу и другие ценности. Специально назначенная комиссия установила, что быстрая гибель «Петропавловска» была вызвана взрывом одной или нескольких (связанных цепью) японских мин заграждения, за которым последовала детонация боевых зарядных отделений торпед, якорных мин в минном погребе броненосца, боезапаса в крьюйт-камере 305-мм зарядов, а потом и взрыв цилиндрических котлов. Обследование корабля японскими водолазами в 1911 г. показало, что в результате взрывов корпус разломился на две части, лежавшие раздельно на 20-саженной глубине, носовая часть оказалась лежащей на ровном киле, а кормовая – перевёрнутой вверх днищем.

«Императорское Российское консульство в Дальнем № 276. 2 июня 1913 г.

В Первый Департамент Министерства иностранных дел.

Рукопись на полях: III Японск. Стол. С просьбой вернуть

На днях до моего сведения дошло, что японец Сакураи, купивший несколько лет тому назад

корпус затонувшего в роковой день 31 Марта 1904 г. при выходе из Порт-Артурского рейда броненосца “Петропавловск” и ныне приступившей к взрыванию на значительной глубине левой кормовой части его, стал обнаруживать в ней останки безвременно погибших героев славного корабля, почтительно и бережно собирать их, точно отмечая место и обстоятельства нахождения каждого скелета, с тем, чтобы нам их передать вместе с некоторыми вещами, найденными там же и могущими иметь характер памяти о погибших.

Немедленно по получении этого сведения я счел долгом предупредить о том пребывающего в настоящее время в Мукдене командированного по ВЫСОЧАЙШЕМУ Повелению представителя Комитета по увековечению памяти русских воинов, павших в японскую войну, Генерал-Майора Добронравова, дабы он мог с своей стороны оповестить Комитет, а также просил его принять на себя погребение найденных прахов, как только последует передача их, на находящемся в его ведении Порт-Артурском военном кладбище. Генерал уведомил меня, что только что получил от сказанного Сакураи письмо с просьбой принять прахи и немедленно написал в С. Петербург. Заверив меня в своей готовности принять на себя заботы по преданию земле обнаруженных останков, он, однако, указал, что средства, находящаяся в распоряжении его Миссии, касающейся собственно только павших воинов сухопутной армии, настолько ограничены, что, желая придать особенную торжественность похоронам славных героев “Петропавловска”, он признает желательными просить Морское Ведомство и Комитет, состоящей под председательством ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ВДОВСТВУЮЩЕЙ КОРОЛЕВЫ ЭЛЛИНОВ и заботящийся об увековечении памяти павших на войне моряков, спешно распорядиться и отпустить средства.

Одновременно я поспешил обратиться к работающему в настоящее время над благоустройством нашего Порт-Артурского кладбища, состоящему в распоряжении Генерала Добронравова, Капитану Набокову с просьбою при распланировке кладбища наметить для погребения прахов с “Петропавловска” особо почетное место, где впоследствии мог бы быть воздвигнут достойный наших героев памятник. Капитан, а затем и генерал, имеющий утвердить план кладбища, обещал, что это будет исполнено.

Далее я счел долгом просить японские власти предложить г. Сакураи передать нам извлеченные им прахи не иначе как официальным путем через Квантунское Генерал-Губернаторство, а затем пригласил самого Сакураи в Консульство, чтобы узнать от него все подробности, касающиеся обнаружения прахов и положения работ над корпусом “Петропавловска”. Г. Сакураи посетил меня сегодня и сообщил следующее: Корпус “Петропавловска”, лежащий на расстоянии двух с половиной миль от берега не далеко от входа на Порт-Артурский рейд, на глубине около 150 футов, был куплен им у Японского Правительства четыре года тому назад за 21 000 иен. Броненосец затонул килем вверх, что значительно затрудняет работы. До сих пор извлечение металлических частей далеко еще не окупило сделанных затрат, остается еще покрыть около 38 000 иен. Желая найти кассу броненосца и разыскивая поэтому помещение командира корабля, Сакураи в нынешнем году приступил к взрыванию кормовой части, начав с левой стороны, где, однако, ни командирского помещения, ни кассы не нашел, а обнаружил каюту, которую занимал Начальник Штаба Командовавшего флотом покойного адмирала Макарова, контр-адмирал Михаил Павлович Молас, где и был найден первый прах, который Сакураи, судя по найденным при нем орденам и бумажнику с пачкой визитных карточек, считает несомненно принадлежащим самому адмиралу. Рядом с каютой адмирала обнаружено помещение для ванны и посуды, которой найдено много, а далее в трех следующих каютах в каждой обнаружено по одному офицерскому праху, то же в двух помещениях, находящихся ниже первой и второй из этих кают, согласно следующему наброску, который я предложил г. Сакураи зачертить.

Все прахи г. Сакураи считает офицерскими, так как на всех скелетах имелись кортики. Не найдя кассы, Сакураи других помещений не прикасался и прекратил работы в левой части кормы с тем, чтобы впоследствии – он полагает не раньше Августа – приступить к взрыванию правого борта. Пока работы над “Петропавловском” им приостановлены вовсе и он занят водолазными работами над другими судами в надежде, что они дадут ему к указанному времени необходимые средства на возобновления дорого стоящего обследования лежащего на большой глубине броненосца.

Г. Сакураи выразил готовность передать нам извлеченные им прахи через Квантунское Генерал-Губернаторство, а также обещал с таким же благоговением и впредь относиться к останкам наших Моряков, если таковые им будут обнаружены, но призвался, что лишь поиски кассы заставляют его тратиться на обследование жилых помещений корабля, столь трудно доступных, и поэтому дальнейшие розыски и собиранье прахов он мог бы принять на себя не иначе как по особому на то поручению и при условии возмещения расходов, также извлечение тех или других предметов на

память о “Петропавловске”, которыми могли бы интересоваться спасенные свидетели катастрофы или родные и близкие погибших. Работы будут продолжаться еще предположительно в течение пяти сезонов, причем сезон считается с Марта по Октябрь.

Относительно извлеченных до сих пор шести прахов, передача коих предстоит теперь же, я спешу одновременно с сим донести по телеграфу, прося срочных зависящих распоряжений как на предмет погребения, так и по возможности опознания прахов, – что же касается вопроса о дальнейшем собирании и предании земле останков героев “Петропавловска”, а также добывании предметов на память о них, – то, до возобновления водолазных работ в Августе сего года или позже, подлежащее ведомство найдет время распорядиться; если будет признано возможным, отпустить необходимую средства; войти в сношения с Сакураем; командировать лицо, знакомое с положением “Петропавловска” в момент его гибели, для руководства или наблюдения за дальнейшими работами Сакурая, приема прахов, а также приема или приобретения разных извлекаемых предметов; доложить об изложенном АВГУСТЕЙШЕМУ свидетелю катастрофы; оповестить остальных спасенных, а также родных и близких погибших и, наконец, предоставить средства не только на погребение останков, но и на сооружение на месте погребения достойного наших героев памятника.

Я также почтительнейше прошу исходатайствовать на всякий случай для вверенного мне Консульства подробные сведения о личном составе “Петропавловска” и лицах, находившихся на нем при выходе его в роковой день 31 марта 1904 года, о расположении и росписании офицерского и штабного помещений прочие данные, могущие оказаться полезными, облегчить ориентироваться и тем лучше почтить память дорогих усопших, на случай если бы г. Сакурай вскоре опять приступил к работам и передал еще другие останки, извлеченные со дна морского, где без малого десять лет назад нашему дорогому отечеству в трудную минуту войны суждено было так фатально трагически схоронить в сырой могилу стольких лучших своих сынов, свою лучшую тогда надежду. Консул: Подпись Траутшольд» (5, л. 3–6).

«Императорское российское консульство в Дальнем № 341. 25 июня 1913 г.

В Первый Департамент Министерства иностранных дел.

В дополнение к донесению от 2 сего Июня за № 276 и телеграмме от 24 сего июня за № 336 имею честь почтительнейше донести о торжественных похоронах останков чинов “Петропавловска”, передаче и отпевании их в православном храме в Дальнем и погребении затем на Порт-Артурском русском военном кладбище.

Вскоре после первого моего извещения об извлечении со дна моря останков шести героев “Петропавловска” и просьбы о распоряжениях Морского Ведомства последовало, со стороны Г. Морского Министра назначение дня похорон, командирование представителя от ИМПЕРАТОРСКОГО Российского Флота и отпуска необходимых на торжественные похороны средства.

Запрошенные телеграммою г. Морского Министра от 6 июня о дне похорон, Генерал-Майор Добронравов и я, сговорившись, просили Генерал-Адъютанта Григоровича позволить почтить память доблестных моряков-героев погребением 24 июня в день славного Чесменского боя, на что последовало согласие. Устройство торжественных похорон Г. Морской Министр просил Генерала Добронравова принять на себя, уведомив о переводе ему на сей предмет двух тысяч рублей, каковая сумма однако, затем была сокращена до 1 500 рублей. Генерал немедленно распорядился командировать одного из своих помощников в Харбин для заказа и доставки оттуда гробов, венков, андреевских флагов и прочих принадлежностей похорон, которых нельзя достать здесь и которых не доставало в его распоряжении как руководителя работами по собиранию прахов и благоустройству кладбищ в Маньчжурии от имени Комитета по увековечению памяти павших в японскую войну русских воинов. Из Харбина же были приглашены священник, диакон и певчие.

Представителем от Флота на похоронах, с ВЫСОЧАЙШЕГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволения, был назначен член Адмиралтейств-Совета, Вице-Адмирал Яковлев, как известно, бывший Командиром “Петропавловска” в момент его гибели, он находился как раз в пути на Дальней Восток для производства инспекторского смотра наших Амурской и Тихоокеанской флотилий, когда получил приказание отправиться на похороны в Порт-Артур. Его, как видно, судьба именно теперь, по истечении 9 лет, снова привела на Дальней Восток, чтобы отдать последний долг товарищам, погибшим в роковой день 31 Марта 1904 года вместе с гибелью вверенного ему корабля. Представителем на похоронах от ИМПЕРАТОРСКОГО Российского Посла в Токио прибыл Морской Агент в Японии капитан II ранга Воскресенский, Вице-Адмирал Яковлев, в сопровождении адъютанта старшего Лейтенанта Арбенева, прибыл в Дальний экспрессом с севера 21 июня, капитан Воскресенский накануне пароходом из Кобе, 22 июня они делали визиты японским властям в Дайрене и Порт-Артуре.

На мое обращение к властям с просьбой об официальном уведомлении об извлечении прахов с “Петропавловска” и передаче нам таковых также не иначе как официальным путем Консульство получило извещение от Гражданского Губернатора, г. Сирани, за отсутствием Генерал-Губернатора Барона Фукусима, временно управляющего Квантунской Областью, о находке прахов с просьбой указать время и место передачи таковых Консульству. В ответ на это я письменно, а также лично посетив г. Сирани и поставив его в известность о прибытии Адмирала Яковлева, просил привезти и передать нам прахи в воскресенье 23 июня в 8 1/2 часов утра, в помещении православной церкви в Дальнем, в присутствии чиновника Генерал-Губернаторства, при официальной бумаге, с изложением всех обстоятельств обнаруженных останков и описью найденных при них и передаваемых нам предметов. Время это было назначено мною с таким расчетом, дабы при приеме прахов могли присутствовать Адмирал Яковлев, Генерал Добронравов и другие лица, съехавшиеся на похороны, а также ожидавшееся в то же утро с севера духовенство. К тому же дню должны были быть получены гробы из Харбина, а в церкви устроен катафалк.

Японцы, по собственному почину, обставили передачу нам прахов с большой торжественностью.

На рассвете, под эскортом конной полиции, останки были доставлены на вокзал в Порт-Артуре из конторы Торгового Дома “Сакурай”, где они до тех пор хранились в чистой японской комнате, и привезены в Дайрен с первым поездом. Они хранились в небольших, продолговатых деревянных ящиках, на которых были надеты чехлы из черной материи с обозначением номера. В Дальнем каждый ящик был уложен в отдельный экипаж, по обеим сторонам которого шли четыре полицейских чина. Конные полицейские открывали и заключали шествие. Для передачи прахов лично прибыл Начальник Порт-Артурского Гражданского управления, г. Иосида, с Драгоманом Генерал-Губернаторства, г. Яно, вручивший мне официальную бумагу о передаче прахов с приложением заявления японца Сакурай властям и объяснительной запискою его об обнаружении останков в корпусе “Петропавловска” вместе с подробной описью найденных при останках и передаваемых нам вещей и планом броненосца. Копию этой бумаги и приложений к ней я имею честь при сем представить без изменений или исправлений в том виде, как она была передана мне на русском языке.

Прахи героев “Петропавловска” были встречены Адмиралом Яковлевым, Генералом Добронравовым, Капитаном Воскресенским, мною и другими присутствовавшими русскими и, взятые на паперти из рук японских полицейских, были внесены нами в храм и поставлены на катафалк. Тотчас же была отслужена первая лития, после чего состоялось укладывание в гробы. Так как останки состояли из одних только костей, завернутых в вату, то было решено уложить их в гробы, не вынимая, в тех же ящиках. Затем гробы были поставлены на катафалк и отслужена первая панихида по усопших, а вечером того же дня, после заупокойной всенощной, – вторая.

Что касается вопроса об установлении личностей переданных останков, то, как мне и пришлось телеграфировать Г. Морскому Министру на его запрос об этом, пока единственным основанием к тому может служить факт нахождения останков по отдельным каютам, куда, по свидетельству Адмирала Яковлева, многие офицеры разошлись перед моментом гибели. К сожалению, он теперь не помнит, кем тогда какие каюты занимались, но высказывает надежду, что другие свидетели катастрофы сумеют это выяснить. По одним только костям, притом разбитым, конечно, установить личности нельзя. Адмирал Яковлев подтвердил мне, между прочим, то, что еще раньше мне говорил Главный Командир Порта Артур, Вице-адмирал Сакамото, а именно, что взрыв “Петропавловска” случился тогда, когда по окончании боя миноносцев и отступления японских миноносцев броненосец возвращался в порт и, значит, вероятно, что свободные от службы Офицеры разошлись по своим каютам. В последнюю минуту перед взрывом курс был изменен, броненосец снова повернул в море, и этим объясняется его настоящее положение на дне носовой частью, обращенной в море.

Моя надежда, что тщательный осмотр найденных при останках и переданных нам вещей поможет пролить свет на тайну броненосца-могилы, к сожалению, также не оправдалась. Единственные из предметов, которые могут дать некоторые указания, кем занимались каюты, в которых были обнаружены прахи, – следующие:

1/ в каюте № 2 /по прилагаемому плану/ ближайшей к каюте адмирала Моласа, найден орден св. Станислава III степени.

2/ в каюте № 5 – юбилейный значок Морского Кадетского Корпуса, что указывает, что в этой каюте помещался молодой офицер, окончивший корпус в 1901 или 1903 гг. Кроме того, в этой каюте обнаружена сабля с гравированными на ней подписями /может быть, товарищей по выпуску владельца/.

3/ в каюте № 6 – японская сабля и золотые часики с вензелем С. В или В. С. /рисунок вензеля/.

– относительно праха контр-адмирала М. Л. Моласа убеждение, что перед нами именно его останки, основано, как я также телеграфировал Генерал-Адъютанту Григоровичу, на том факте, что скелет был обнаружен в каюте, которую, бесспорно, занимал Начальник Штаба покойного адмирала Макарова, в его спальне. Что это была именно каюта адмирала Моласа, также подтвердил по описанию г. Сакурая и по извлеченным из нее предметам адмирал Яковлев, считающий к тому вероятным, что в момент взрыва адмирал был у себя в каюте.

Кроме места нахождения праха, важным обстоятельством, подкрепляющим уверенность в правильности предположения, что подняты останки М. П. Моласа, является факт обнаружения кожаного бумажника с пачкой его визитных карточек и кредитными билетами в самих костях. Об этом свидетельствует не только Сакурай в своем заявлении японским властям, но и допрошенный мною подрядчик Наканиси, руководившей водолажными работами в тот же день, когда был поднят прах /кстати, Наканиси теперь оставил службу у Сакурая, не поладив с ним/. Он показывает, что присутствовал, когда из каюты Моласа был поднят водолазный мешок, наполненный глиной и илом, и когда содержимое его промывалось, и совершенно категорически заявляет, что бумажник был обнаружен в том же мешке и в самих костях. Другие вещи были подняты затем уже в других мешках. Обувь и части истлевшей одежды были выброшены, и вообще, на многое, что могло бы служить приметам, тогда не было обращено должного внимания. Наканиси, однако, тогда же не сомневался, что перед ним останки одного из высших чинов, погибших на “Петропавловске”. Никаких погон найдено не было, но Наканиси полагает, что если поиски на том месте были бы продолжены, то, вероятно, нашлись бы и погоны, и еще многое другое. Во всяком случае, при данных обстоятельствах гораздо труднее предположить, чтобы в спальне адмирала Моласа в момент взрыва мог находиться другой офицер с бумажником и визитными карточками адмирала. Череп был осмотрен вице-адмиралом Яковлевым, который хотя и не мог с уверенностью признать в нем череп М. П. Моласа, но также не усмотрел в нем ничего, что говорило против этого предположения. Наоборот, как и он, лично хорошо знавший покойного, так и все присутствовавшие, судя по имевшимся фотографическим снимкам М. Н. Моласа, считали сходство с головой покойного вполне установленным. Как бы то ни было, адмирал Яковлев, имевший инструкцию перевезти останки М. П. Моласа в С. Петербург, только убедившись в правильности предположения, что это действительно прах покойного адмирала, сделал после этого все распоряжения к перевозке его, для чего прах в ящике, запечатанном консульской печатью, был уложен в металлический гроб, для последнего заказан особый ящик.

Предполагалось гроб отправить: в Шанхай и оттуда дальше в Одессу на пароходе Добровольного флота. Лишь ради торжественности похорон было решено, чтобы гроб адмирала также участвовал в процессии до кладбища в Порт-Артуре. По прибытии туда адмиралом Яковлевым, однако, была получена телеграмма из Морского Министерства, коей перевозка праха М. П. Моласа отменялась и предписывалось предать его земле в Порт-Артуре вместе с другими, что и было исполнено в присутствии еще остававшегося в Порт-Артуре духовенства.

Похороны героев “Петропавловска” состоялись 24 июня при чрезвычайно благолепной и торжественной обстановке. Погода благоприятствовала как нельзя лучше: день был яркий, солнечный и в то же время для здешнего климата необычайно прохладный. Эффектное здание православного храма, доминирующее над элегантным административным городком, и тенистые аллеи церковного сада, лучшего из всех частных садов в городе, обыкновенно содержимые нашей Пекинской Духовной Миссией в полном запустении, были вычищены и приведены нами в порядок. Улица до вокзала была посыпана ельником. В церкви на большом катафалке покоились прахи наших героев моряков в шести гробах, утопавших среди растений и венков, которых было возложено более 30. /Подробный список их к сему приложен./ Стены храма также были убраны зеленью и цветами.

Особенно выделялись роскошью венки: от ИМПЕРАТОРСКОГО Российского Посольства в Токио, возложенный капитаном Воскресенским; от Японского Морского Министра Барона Сайто; от бывшего командира “Петропавловска”; от Квантунского Генерал-Губернатора Барона Фукусима; от управляющего Китайской Восточной железной дорогой Генерала Хорвата; от общества Южно-Маньчжурской железной дороги; от Русско-Японской Ассоциации в Дайрене; по шести венков от Генерала Добронравова и от ИМПЕРАТОРСКОГО Консульства в Дальнем и много других. В 10 часов утра была отслужена третья панихида, за которой следовали заупокойная литургия и отпевание усопших героев, служили соборно о. Сергей Бородучан, Благодинный церковью Заамурского Округа Пограничной стражи, с о. Николаем Сечко-Кушнеровским, священником железнодорожной церкви при станции Яомынь, Китайской Восточной железной дороги и о. Аароном Авериным, иеромона-

хом, заведывающим имуществом Пекинской Духовной Миссии на Квантуне. Диакон и 8 певчих при регенте были приглашены из Софийского Собора в Харбине. Давно не слышанная в Дальнем благолепная служба и церковное пение глубоко захватывали всех молящихся, благоговейно опускавшихся на колени при пении “Со святыми упокой” и “Вечная Память”. Церковь не вмещала всех прибывших. Кроме всех проживающих на Квантуне русских, присутствовали православные японцы и местная греческая колония. Из Мукдена на похороны прибыли: военный агент подполковник Блонский, супруга управляющего ИМПЕРАТОРСКИМ Генеральным Консульством г-жа Куренкова и весь штат служащих при Генерале Добронравове. Из иностранцев: иностранные консула, вице-президент Южно-Маньчжурской железной дороги со всеми ныне находящимися в Дайрене директорами Общества, местные власти и, по приказанию Генерал-Губернатора, все свободные от службы военные и гражданские чины Квантуна.

В 11 часов прибыли: представитель Квантунского Генерал-Губернатора Гражданский губернатор г-н Сирани в сопровождении секретаря, и. д. Директора иностранных дел г. Сирасу и драгомана г. Яно; представитель японских войск в Маньчжурии, начальник военного штаба в Порт-Артуре генерала Фукуда с адъютантом капитаном Ямагата; Главный Командир Порта Артур Вице-Адмирал Сакамото со свитой, который оказался товарищем по несчастью адмирала Яковлева, так как в 1904 г. был командиром погибшего недолго после “Петропавловска”, также от мины, японского крейсера “Ясима”; представитель морских чинов в Порт-Артуре капитан I ранга Аояма.

В полдень последовал вынос гробов на руках всех нас русских и установка на дроги, как-выми служили покрытые черным сукном четыре багажных фургона, предоставленные железнодорожной гостинницей “Ямато-Отель”. Гроб адмирала Моласа следовал впереди, далее по два гроба на одной колеснице, все покрытые андреевскими флагами.

Процессия тронулась к вокзалу, где гробы были установлены на катафалке в вагоне, убранном цветами. Любезно и безвозмездно предоставленный обществом Южно-Маньчжурской железной дороги экстренный поезд отошел в 1.05 пополудни.

Все присутствовавшие в церкви провожали гроба до вокзала, где адмирал Яковлев простился с японскими генералами и прочими чинами. На станции также молились представители буддийского духовенства. Перед отходом поезда была отслужена лития.

В 2 ч. 36 мин. траурный поезд прибыл в Порт-Артур, где на вокзале ждала весьма торжественная и глубоко трогательная встреча. Здесь, также по приказанию Генерал-Губернатора, выстроились все военные и гражданские чины во главе с Вице-Губернатором, Начальником Полицейской части, Директором Иностранных Дел, Начальником Морского Штаба Порта и др. Депутация от Порт-Артурской Общины Добровольных Сестер Милосердия Японского Общества Красного Креста во главе с Баронессой Фукусима, супругой Квантунского Генерал-Губернатора; г-жей Окубо, супругой коменданта крепости; г-жей Сакамото, супругой командира Порта; г-жей Хираиси, супругой председателя Высшего Квантунского Суда. Вручили адмиралу Яковлеву роскошный венок. По перрону были выстроены три лафета при орудиях тяжелой артиллерии при одном офицере и 115 нижних чинах и три лафета морские при двух офицерах и 70 матросах отчасти местного экипажа, отчасти со станционера крейсера “Акицусима”. Гробы были вынесены нами из вагона и поставлены на эти лафеты, в которые затем по команде впряглись нижние чины и на своих плечах повезли останки наших героев до самого русского военного кладбища, отстоящего от вокзала в 2,3 верстах. Процессию открывали и заключали конные полицейские, венки следовали на двух колесницах. Картина была в высшей степени торжественная и оказанные со стороны японцев нашим героям воинские почести глубоко растрогали нас всех и поразили своей полной неожиданностью.

Мы знали только, что Порт-Артурские власти любезно взялись доставить нам отвечающие благолепию похорон повозки. На кладбище, после литии, гробы были опущены в могилы, салюта не было потому, что в Японии еще не кончился национальный траур, в течение которого музыка и салюты отменены. Место для могил героев “Петропавловска” было выбрано центральное, с таким расчетом, что могут быть присоединены новые могилы вокруг, если были бы подняты другие прахи, а в середине поставлен памятник.

Адмирал Яковлев, оставив карточки у властей и у председательницы общины добровольных сестер милосердия, Баронессы Фукусима, к вечеру вернулся в Дайрен, а на следующее утро отбыл во Владивосток вместе с капитаном Воскресенским и лейтенантом Арбеньевым. Общество Южно-Маньчжурской железной дороги любезно предоставило адмиралу отдельный вагон. После похорон были отправлены телеграммы в Министерства Иностранных Дел и Морское, а также в ИМПЕРАТОРСКОЕ Посольство в Токио о теплом участии японцев; перед своим отъездом адмирал выразил

свою благодарность по телеграфу: Японскому морскому министру Барону Сайто, Квантунскому Генерал-Губернатору Барону Фукусима и Президенту общества Южно-Маньчжурской железной дороги г. Накамура в Токио. Консульством были затем разосланы более 200 карточек с выражением благодарности за подписью Адмирала Яковлева, Генерала Добронравова, Представителя посольства и Консула, а кроме того, за невозможностью благодарить всех отдельно, сделано объявление в обеих местных японских газетах. Расходы по погребению превысили отпущенные 1500 рублей, достигнув почти двух тысяч, несмотря на любезно предоставленные нам безвозмездно японцами лафеты и экстренный поезд.

Переданный Консульству, одновременно с прахами, ящик (из дерева, поднятого с “Петропавловска”) с вещами, извлеченными вместе с останками наших героев и перечисленными при приложенной к сему донесению описи, согласно указания вице-Адмирала Яковлева будут отправлены мною в С. Петербург в Главный Морской Штаб через ИМПЕРАТОРСКОЕ Министерство Иностранных Дел.

Фотографические снимки, изображающие разные моменты торжественных похорон героев “Петропавловска”, в количестве всего 15 снимков, считаю долгом при сем представить.

Закончив описание похорон, я почитаю своим приятным долгом вновь засвидетельствовать уже отмеченное в моей телеграмме самое трогательное и сердечное отношение, проявленное к похоронам наших дорогих героев со стороны квантунских гражданских и военно-морских властей и чинов, Общества Южно-Маньчжурской железной дороги, общественных организаций и населения, предупреждавших наши скромные желания, глубоко проникшихся торжественностью момента предания земле погибших русских героев в присутствии их бывшего командира – очевидца того страшного несчастья, обрушившегося тогда на Россию, и почтивших память доблестных бывших противников с таким же благоговением и почестями, какими окружают память своих павших воинов, местная печать также поспешила заверить нас в искренней симпатии японской нации к той любви и тому благоговению, с каковыми Россия чтит своих героев, и заметить, что Россию связывают с Японией ныне не только дружественные добрососедские отношения, но и общий святой долг по отношению к памяти и к бранным останкам тех многочисленных храбрых сынов, которые здесь легли костями за отечество.

Благослепию похорон, конечно, больше всех содействовал Генерал-Майор Добронравов со всем своим штатом, которые работали в эти дни не покладая рук и предусмотрели все до мельчайших подробностей, дабы создать вокруг похорон русских героев в чужой стране по возможности родную обстановку, окружить их сердечной заботливостью.

Нельзя оставить без внимания в этом деле главным образом благородный поступок японца Цуненосукэ Сакурай, бережно и благочестиво, по лучшему своему разумению, собиравшего дорогие нам кости и совершенно бескорыстно потратившего на это не мало труда и расходов. Свою лавку, представляющую из себя грустный музей всевозможных предметов оборудования и обстановки когда-то гордого броненосца, девять лет пролежавших на дне океана, он всецело предоставил в распоряжение бывшего командира корабля. Тут были исковерканные от взрыва снаряды, разбитые бинокли и прочие принадлежности морского обихода, еле узнаваемые кредитные билеты, серебряные монеты. Золотые сохранились отлично, также тарелки, вилки “Морского Ведомства”. Хорошо сохранились бумаги из архива, как видно, секретного. Тут были и клочки шифра, и даже наставления к нему, которые я еще раньше отобрал и передал Адмиралу; бумага, подписанная покойным Макаровым. В числе бумаг адмирал Яковлев также нашел письмо, им же подписанное, каковое, а также еще несколько мелких вещей взял себе, на память. Кормовые буквы “Петропавловска”, пока извлеченные все, за исключением двух или трех, адмирала просил Сакурая сохранить, так как они могут пригодиться или для нового “Петропавловска”, или для памятника погибшим. Адмирал дал Сакураю ряд указаний, полезных для предстоящих в Августе новых водолазных работ. Выяснив положение дел, он обо всем доложит в С. Петербурге и полагает возможным, что очевидцы катастрофы, а также родные и близкие погибших, оповещенные о положении дела, обратятся к Сакураю с частными поручениями о розыске прахов или особо ценимых предметов, что касается благодарности, которую заслужил Сакурай, то, насколько мне удалось выяснить, он больше всего мечтает о русском ордене, но я полагал бы более целесообразным пока ограничиться подарком и обобщать орден к тому времени, когда он окончательно прекратит работы по разбору корпуса “Петропавловска”, если окажется, что его дальнейшее обращение с останками наших героев, могущими быть обнаруженными, того заслуживает.

Желательно было бы видеть вознагражденными тем или другим способом за их сердечное

участие и усердие ПОЧТИТЬ память наших моряков, особенно старавшихся во время похорон гражданских, морских и военных чинов Квантунского Генерал-Губернаторства, а также представителей Общества Южно-Маньчжурской железной дороги. Адмирал Яковлев и капитан Воскресенский намереваются сделать относительно их соответствующее представление.

Пока Генерал Добронравов распорядился отблагодарить участвовавших в похоронной процессии в Порт-Артуре при лафетах трех офицеров – обедом, а нижних чинов тремя бочками “саке”.

Торжественные похороны моряков-гороев “Петропавловска” оставили в сердцах всех нас присутствовавших русских сильное неизгладимое впечатление, и мы ушли с кладбища с чувством глубокого удовлетворения и утешения, что дорогие останки хоть некоторых из тех храбрых русских витязей, которые тогда выступили с гордою ратью незабвенного Макарова, но которым не суждено было вернуться на родину с неувядаемыми лаврами Чесменских победителей, мы могли присоединить к почивающим в святой, обильно обогрелой русской кровью земле тысячам братьев-богатырей, также как и они, живот свой положившим, как подобает честному русскому воину, за святую Русь и обожаемого МОНАРХА. Консул Траутшольд» (5, л. 8–25).

«ПРИЛОЖЕНИЕ 1-е к № 341. Дальний, 1913. Копия.

Квантунское Генерал-Губернаторство. 6 июля 2 года Тайсио

Милостивый Государь ИМПЕРАТОРСКИЙ Российский Консул Господин Траутшольд.

Занимающийся работой извлечения затонувшего в внешнем море Порт-Артура судна “Петропавловска” японский подданный Цуненосукэ Сакурай заявил мне, что им найдены 6 прахов из кают “Петропавловска”. Вышесказанные прахи в результате исследования оказались прахами русских доблестных воинов, следовательно имею честь передать Вам вышесказанные 6 прахов и найденные при них предметы с объяснительной записью, представленной от Сакурай.

Начальник Порт-Артурского Гражданского управления /подписал/ Тоиозиро Иосида.
с подлинным верно. Консул Траутшольд» (5, л. 26).

«Квантунское генерал-губернаторство /перевод /1 июля 3 года Тайсио

Господину Начальнику Порт-Артурского Гражданского Управления Тоиозиро Иосида

Заявление о передаче прахов и найденных при каждом прахе предметов.

От японского подданного Цуненосукэ САКУРАЙ, жительствующего в Дайрене, ул. Ивакичо, № 19.

Имею честь заявить нижеследующее: 13-го Апреля 43 года Мейдзи я купил от начальника по мастерской части морского ведомства в Порт-Артуре корпус бывшего флагманского судна русской тихоокеанской эскадры и с тех пор занимаюсь разбивкой и извлечением металлических частей его. В этом году найден в кормовой каюте левого борта один прах, возможный умозаключить по предметам, при нем найденным, офицерским прахом. После этой находки с большим вниманием я продолжал свою работу и снова нашел прахи 5 человек и разные предметы при каждом прахе. Каюты, где найдены эти прахи, и предметы указаны в при сем прилагаемом плане. Найденные прахи обозначены мною по №№ и их, как прахи доблестных воинов, с большим почтением сохранил вежливо и вместе с тем немедленно заявил об этом в надлежащую власть. Теперь имею честь представить Вам по Вашему требованию вышесказанные прахи 6 человек и при них найденные предметы /эти предметы указаны в при сем приложенной описи № 1/ для передачи русской власти. Номера, поставленные на прахи и на предметы, соответствуют №№ кают, где они найдены. №№ кают указаны на плане № 2.

Относительно обстоятельства во время работы извлечения указано на объяснительной записи № 3.

Примечание: Предметы, найденные при прахах желательно преподнести через русскую власть в Российский ИМПЕРАТОРСКИЙ Двор, о том прошу передать русской власти. / подписал: / Цуненосукэ Сакурай. Верно: Консул Траутшольд» (5, л. 27–28).

«Квантунское генерал-губернаторство. К о п и я. Перевод. Приложение № 3

Объяснительная записка японского подданного Цуненосукэ Сакурай

Бывшее флагманское судно русской тихоокеанской эскадры затонувший “Петропавловск” ныне находится на дне внешнего моря Порт-Артура, в глубине 150 футов, вверх дном, и благодаря прохождения долгого времени большая часть верхней палубы находится в грязном грунте. Все каюты наполнены осадками глинистых земель и разломанными на куски деревянными материа-

лами каютных обстановок. В этом году я сперва разбил наружную стену кормы левого борта, где находились буквы названия судна. И работа извлечения постепенно шла к направлению носа судна. В одной каюте средней палубы левого борта у кормы найден круглый стол, потом, разбив перегородочную стену, водолазы входили в отдельную каюту, где найдена одна кровать, эта последняя каюта была наполнена глинистыми землями с кусками деревянных материалов. Эти земли вложили в мешках и вытащили наверх; когда процеживали цецильными приборами их, из них нашли кусок человеческой кости. Этой неожиданной находкой у меня явилось сомнение о том, что не осталось ли в этой каюте праха павших воинов? После этого с напряжением сил старались выводить эти глинистые земли наверх, и нашел один скелет человеческой головы. Таким образом, утверждено нахождение праха и несмотря разнообразному затруднению подводной работы, вытащили часть грязи из этой каюты и после процеживания их наконец нашли все части костей ниже шеи одного человека и кожаный портмоне /в портмоне находились несколько русских кредитных бумаг и визитных карточек /подробно указаны при сем приложенной описи/. Потому когда вытаскивали все грязи из этой каюты, найдено снова несколько предметов, указанных в при сем приложенной описи.

Судя по найденным предметам, этот прах казался мне прахом военного человека высшего класса. Следовательно, я с большим почтением вежливо хранил в одной комнате моей конторы. И этой каюте я временно дал наименование № 1, также на прах и предметы, найденные из этой каюты, поставил знак № 1 во избежание перемешания в случае находки других прахов и предметов. По принятому мною проекту о извлечении материалов судна, для меня гораздо выгоднее, по возможности в большом размере, взрывать наружную стену судна и вообще корпуса его, но раз найден прах из каюты, то нельзя сделать большой взрыв, так как от большого взрыва могут быть разбросаны в беспорядке прахи доблестных воинов. В виду того я, не обращая внимания на свою пользу, с большим вниманием и осторожностью руководя своими служащими, продолжал поиски прахов, и наконец нашли в каютах №№ 2, 3, 4, 5 и 6 /эти каюты указаны при сем приложенном плане/ всего 5 прахов, т. е. по одному в каждой каюте, и указанные при сем в приложенной описи предметы. На основании вышесказанного я уверен, что в каютах носовой части и правого борта вперед еще найдутся многие прахи, но благодаря тому, что судно находится на дне глубокого моря и быстрого течения воды, хотя при тихой погоде водолазы могут работать только раз или два раза в сутки во время отлива морской воды. Кроме того, если работать с известным вниманием и почтением к прахам воинов, то требуется еще больше труда и времени. Следовательно, к сожалению, пришлось пока остановить работу извлечения судна и до сих пор извлеченные прахи и предметы, найденные при них, передать власти /эти предметы желательно преподнести в русский ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОР/ и снова исследовать соответственный способ извлечения и своевременно снова начать работу, о вышеизложенном имею честь заявить Вам. /подпись/ Цуненосуке Сакурай» (5, л. 32–34).

«Российское Императорское Консульство в Дальнем. В Первый департамент. № 475. 19 Августа 1913 г.

Вследствие предписания Департамента от 12 минувшего июля, № 4718, о возвращении родственникам контр-адмирала Моласа обнаруженного около его праха бумажника с тремя визитными карточками контр-адмирала и несколькими попорченными кредитными билетами, имею честь донести, что бумажник этот, как и все другие предметы, извлеченные вместе с останками героев Петропавловска /каковые предметы подробно перечислены в описи, приложенной к донесению Надв. Сов. Траутшольда от 25 июня с. г., № 341/, были вложены в деревянный ящик, поднятый с “Петропавловска”, и отправлены консульством 13/26 минувшего июля, согласно указаниям вице-адмирала Яковлева, в Главный Морской Штаб через ИМПЕРАТОРСКОЕ Министерство Иностранных Дел.

Что же касается вопроса о возвращении родственникам погибших на “Петропавловске” наших моряков малоценных предметов, кои могли бы быть обнаружены в будущем при поисках прахов, я не премину обратиться с соответствующей просьбой к Цуненосуке Сакурай, который, как можно предположить с уверенностью, охотно исполнит эту просьбу. Управлявший Консульством» (5, л. 51–51 об).

«Российское Императорское Консульство в Дальнем. В Первый Департамент. № 812. 12 Декабря 1913 г.

Имею честь донести Департаменту, что собственник “Петропавловска”, японский предприниматель Сакурай, обратился в управляемое мною Консульство с ходатайством довести до сведения Российского Правительства, что он решил прекратить дальнейшие работы над этим судном и прине-

сти нам такое в дар. В то же время Сакурай объяснил, что первоначально намеревался предложить нашему правительству купить у него корпус “Петропавловска”, считая, однако, неудобным сделать броненосец-могилу предметом купли-продажи, он предпочитает жертвовать судно Русскому Правительству, при чем, однако, надеется, что последнее не откажется принять во внимание произведенные им, Сакураем, расходы по эксплуатации судна, причинившее ему пока крупный убыток, и предложит ему сумму денег, достаточную для покрытия хотя бы половины дефицита. На мой вопрос о размерах дефицита Сакурай объяснил, что, работая над судном с 1910 года, он израсходовал всего 132.053,04 золотых иен, из коих удалось вернуть лишь 90.307,68 зол. иен – стоимость поднятых с “Петропавловска” разных предметов. Таким образом, понесенный им до настоящего времени убыток выражается в сумме 41.745,36 зол. иен. Интересно отметить, что в означенную выше сумму расходов включен расход на порох. Оказывается, что на этот предмет израсходовано Сакураем в

– 1910 г. – 3.198,16 зол. иен,

– 1911 г. – 3.940,47,

– 1912 г. – 3.779,05,

– 1913 г. – 3.923,50,

а всего 14.840,18 зол. иен.

Цифра эта дает нам некоторое представление о приемах Сакурая при эксплуатации судна; большое количество израсходованного пороха объясняется способом работ над корпусом судна: происходит постепенное раздробление путем взрывов и измельчение корпуса броненосца, при чем только такой ценой работы постепенно и медленно подвигаются вперед, приближаясь к конечной цели – судовой кассе, которую Сакурай надеется найти в течение будущего сезона /Апрель до Октября-Ноября 1914 года/.

Обещав Сакураю исполнить его просьбу и передать обо всем Русскому Правительству, я в то же время интересовался узнать, что, собственно, побудило его выступать с подобным предложением в настоящее время, то есть по истечении почти 4-х лет со времени приобретения “Петропавловска”, после произведенных им крупных затрат, и когда он так близок к цели – кассе судна. Не следует ли предположить, что главная причина кроется в финансовых затруднениях, в неимении средств для успешного окончания начатых работ над судном. Объяснения Сакурая по этому поводу меня не совсем удовлетворили. По его словам, он не нуждается в средствах и обладает достаточным кредитом для продолжения и окончания работ. Отказаться от судна его заставляют причины другого свойства: а именно, прежде всего, недружелюбное к нему отношение русского общества, насколько это выразилось в русской прессе, преимущественно в статьях “Нового Времени”, перепечатанных японскими газетами. Так, поднятием и передачей нам прахов адмирала Моласа и других офицеров-героев, погибших вместе с “Петропавловском”, он надеялся заслужить расположение и симпатии русского общества и содействовать упрочению дружеских отношений между обеими нациями. Вышло наоборот: русское общество отнеслось к нему, судя по отзывам газет, враждебно, его обвиняют в том, что он бесцеремонно тревожит покой погибших героев-моряков, завели спор о тождественности переданных нам прахов, стали доказывать, что таковые не принадлежали адмиралу Моласу и другим офицерам, стали критиковать его доказательства, сомневаться в происхождении найденных им при означенных прахах вещей и прямо обвинять его в подлоге /спор о визитных карточках адмирала Моласа/ и т. д. Все это его глубоко оскорбило и разочаровало. Как на другую причину Сакурай указал на заключенный им при покупке “Петропавловска” контракт с японским правительством. На основании 5 статьи контракта он не имеет права распорядиться поднятым с “Петропавловска” предметом, пока таковой не будет осмотрен чинами морского ведомства, а бумаги, планы и пр. он обязан предоставлять безвозмездно своему правительству, если оно найдет это нужным, то есть если найденные документы представляют для него интерес. Узнав вдобавок, что он согласился продать некоторые документы с “Петропавловска” нашему морскому агенту в ЯПОНИИ, кап. II ранга Воскресенскому, правительство стало относиться к нему с недоверием, сомневаться, что все документы поступают предварительно на его рассмотрение.

Все эти обстоятельства вместе взятые и заставили его, Сакурая, предложить нам судно на указанных условиях.

Позволяю себе высказать личное мнение, что все эти доводы вряд ли убедительны или заслуживают уважения. Я склонен думать, что главная причина, заставляющая Сакурая предложить нам корпус “Петропавловска” – по всей вероятности, встреченные им материальные затруднения, убыточность работ, нежелание рисковать дальнейшими крупными затратами для продолжения работ над судном, которые могут затянуться, и неуверенность, что содержимое кассы покроеет все расходы.

Об изложенном докладываю одновременно ИМПЕРАТОРСКОМУ Посольству в Токио. Управляющий консульством» (5, л. 54–55 об).

«Императорское Российское консульство в Дальнем. № 230. Дальний 20 сентября – 3 октября 1909 г. В Первый Департамент.

Имею честь донести Департаменту, что 28 ноября (нов. ст.) сего года (день штурма горы в 303 м) состоится в Порт-Артуре открытие памятника японским воинам, погибшим при осаде этой крепости, а главным образом во время названного штурма.

Ко дню открытия ожидают прибытие сюда из Японии 2000 почетных гостей, среди которых первое место займут японские принцы, генералы и адмиралы (между прочим, генерал Ноги и адмирал Того).

Доношу об этом почти за два месяца до открытия памятника на случай, если Российское Правительство пожелает послать от себя депутацию. Консул К. Белковский» (4, л. 2–2 об.).

«Морской Министр. 3 октября 1909 г. № 214 71. Его Превосходительству С. Д. Сазонову. Милостивый Государь Сергей Дмитриевич.

Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что к командированию депутации на предстоящее 15/28 ноября сего года, в день штурма горы Высокой в Порт-Артуре, открытие памятника павшим японским воинам, по моему мнению, оснований не представляется. Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности. С. Воеводский» (4, л. 6).

«За военного министра по Главному штабу. 7 октября 1909 г. № 64737. Его Превосходительству С. Д. Сазонову, Товарищу Министра Иностранных Дел.

Милостивый Государь Сергей Дмитриевич. Вследствие письма Вашего Превосходительства от 28-го сентября сего года честь имею уведомить, что о предстоящем открытии памятника павшим при штурме горы Высокой в Порт-Артуре японским воинам Военному Ведомству ничего не известно и что никаких распоряжений о командировании депутации для присутствия на открытии этого памятника не делалось. Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности. Искренне ваш» (4, л. 7).

Память о «Петропавловске» и защитниках Порт-Артура

Русское воинское кладбище в Льюшуне (Порт-Артуре) является одним из крупнейших захоронений иностранцев в Китае. Русское кладбище было открыто в июне 1908 г. в присутствии русской военной делегации. По команде японского генерала Ноги воинские почести павшим отдали полк и флотский отряд японских войск.

«Первое, что бросается в глаза, когда заходишь на русское кладбище, – это 8-метровый крест из белого мрамора и памятник в виде часовни с колоннами. Надпись по-русски гласит: “Памятник построен японским правительством в 1907 году. Здесь покоятся бранные останки доблестных русских воинов, павших при защите ими крепости Порт-Артур”. Это был первый памятник павшим русским воинам, и открывали его вчерашние враги. Руководил открытием японский генерал Маресуке Ноги, потерявший при штурмах крепости двух сыновей. Японцы же собирали останки русских воинов и хоронили их в братских могилах. На солдатских могилах установили чугунные кресты с надписями – “1785 прахов”, “749 прахов”, “1490 прахов”. На офицерских – беломраморных – цифры поменьше – “Братская могила 15 В. С. П. 41 прах”, “Братская могила 14 В. С. П.” Всего 48 таких погребений. Литеры “В. С. П.” означают Восточно-Сибирский стрелковый полк. На всех бастионах и местах сражений установлены таблички с надписями: “Здесь доблестно сражались русские солдаты, отбивая атаки японской армии”, “Здесь, не щадя себя, русские солдаты стояли насмерть до последнего солдата”».

Последнее захоронение жертв обороны Порт-Артура произошло в июне 1913 г., когда японские водолазы подняли с броненосца «Петропавловск» останки шести моряков.

Позднее, в 1912 г., уже русские мастера установили беломраморный христианский восьми-метровый крест. На его лицевой стороне высекли слова: «Вечная память доблестным защитникам Порт-Артура».

В часовне святому равноапостольному князю Владимиру установлена икона Порт-Артурской Божией Матери. По периметру эмалированной вязью написано: «В благословение и знамение торжества христоробивому воинству Дальней России от святых обителей Киевских и 10 000 богомольцев и друзей». (Икона написана царскосельским иконописцем М. М. Осипенко специально для часовни в Порт-Артуре, образ является точным списком с чудотворной Порт-Артурской иконы Божией Матери, хранящейся во Владивостоке. Сама чудотворная икона, написанная в благословение русскому воинству во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., так и не была доставлена в Порт-Артур. Со временем она была утеряна, а в 90-е гг. XX в. вновь обретена в Иерусалиме группой паломников из Владивостока).

По свидетельству очевидцев, в этой часовне еще в 1946 г. хранились портрет адмирала С. О. Макарова, серебряные и металлические венки. На одном из них было написано: «Незабвенным доблестным Товарищам Артиллеристам, крепостным, полевым, морским – павшим смертью героев при обороне Порт-Артура в 1904 г. Бывший начальник артиллерии в Порт-Артуре в 1904 г. генерал-майор Белый. 12 мая 1908 г., Владивосток» (8, с. 206–207).

«Высота 203» – еще один памятник, связанный с обороной Порт-Артура, расположенный в Национальном лесном парке в северо-западной части города.

Это была командная высота на линии обороны России протяженностью 20 км к западу от Люйшунью. Она расположена на высоте 203 м над уровнем моря. С 26 ноября по 5 декабря 1904 г. японские войска под командованием Ноги Маресуке захватили эту позицию ценой 17 тыс. жизней. После этого японские войска установили наблюдательный пункт для наведения артиллерии, которая произвела 1100 выстрелов бронебойными снарядами. 9 декабря они потопили все 50 русских военных кораблей в морском порту Люйшунью, нанеся поражение эскадре российского Тихоокеанского флота, которая 10 августа не смогла прорвать окружение. Когда новость о захвате высоты 203 достигла Японии, там состоялся парад. В тот период и японские, и русские войска рассматривали бой за высоту 203 как решающую битву.

Памятник Эрлинг на высоте 203 стал самым первым монументом, построенным после войны японской колониальной администрацией. Он был завершен в 1913 г. Этот монумент в форме снаряда отлит из металла артиллерийских гильз. Надпись на монументе была составлена самим Ноги Маресуке. В конце есть приписка: «Причиной победы на Японском море стало падение Люйшуня. А падение Люйшуня произошло в результате захвата холма Эрлинг. Раньше он назывался Холм Бога. Генерал Ноги переименовал его в Холм Эрлинг».

Идея сооружения памятника С. О. Макарову возникла вскоре после гибели адмирала в 1904 г. В 1910 г. на собрании, посвященном памяти адмирала, решено обратиться к императору за разрешением об открытии повсеместной подписки на сооружение памятника. Был образован Комитет по сбору пожертвований, составляющих 1/4 процента от всех видов жалования команд и экипажей в течение года. Одновременно объявлен конкурс на лучший проект памятника.

Проект скульптора А. В. Шервуда был принят для дальнейшей разработки и исполнения.

24 июня 1913 г. в Кронштадте в присутствии Николая II был открыт памятник вице-адмиралу С. О. Макарову.

Полнофигурный скульптурный портрет адмирала, отлитый в бронзе, установлен на гранитную скалу, в верхней части которой укреплен стилизованная бронзовая «волна», напоминающая восточного дракона. На трех сторонах постамента – рельефы, посвященные эпизодам биографии учёного и флотоводца: взрыв турецкого судна во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., арктическое плавание ледокола «Ермак», изобретённого и построенного под руководством Макарова; гибель броненосца «Петропавловск», на котором находился командующий Тихоокеанским флотом в начале Русско-японской войны 1904–1905 годов. На цокольной части постамента надпись «Помни войну».

В качестве постамента памятника использован гранитный монолит, затонувший на рейде Штандарт у о. Тухольм в начале XIX в., а затем поднятый и доставленный по высочайшему повелению в Кронштадт в 1911 г. Местом установки памятника выбрана площадь перед Морским собором, в сооружении которого С. О. Макаров принимал самое деятельное участие.

К столетию гибели «Петропавловска» в Санкт-Петербурге освящена и установлена в часовне Свт. Николая Чудотворца Морского храма Спас-на-Водах мемориальная доска с именами 635 членов экипажа флагмана русского Императорского флота во главе с вице-адмиралом С. О. Макаровым.

Выражаем огромную признательность Генеральному консулу РФ в г. Шеньяне (Китайская Народная Республика) Сергею Николаевичу Подберезко (2012 г.); генеральному консулу РФ в г. Шеньяне, Сергею Юрьевичу Пальтову (2013 г.); Директору историко-документального Департамента МИД России Александру Игоревичу Кузнецову, сотрудникам АВПРИ за предоставленные документы, которые явились основой для данной публикации.

1. АВПРИ. Ф. 493. Д. 217. Л. 10–10об.
2. Там же. Д. 218. Л. 45–46.
3. Там же. Д. 220. Л. 15.
4. Там же. Д. 890. Л. 7.
5. Там же. Д. 891. Л. 3–6.
6. Иллюстрированная летопись Русско-японской войны (По официальным данным, сведениям печати и показаниям очевидцев). С картами и планами, портретами, изображениями боевых эпизодов, рисунками из военно-походного быта. Вып. 3. СПб. : Типография А. С. Суворина. Изд. «Нового Журнала Иностранной Литературы» (Ф. И. Булгакова). 1904. С. 98–119, 137–139.
7. Исторический вестник. 1914. № 6. Т. 4. Ч. 1. № 1921.
8. *Смилевец И.* От земли Санникова до сопок Маньчжурии. Саратов : Приволжское изд-во, 2012. С. 206–207.

Т. В. Воробьева **ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ** **РЕТРОСПЕКТИВЕ**

Постоянное расширение территории Российского государства, присоединение и освоение новых пространств сыграли немаловажную роль в процессе складывания и развития российской евразийской цивилизации. Движение российской границы не было равномерным и плавным, оно сопровождалось неудачами и отступлениями. Ливонская война, Смута отбросили Россию на западе, хотя в то же время – во второй половине XVI и в начале XVII вв. – она основательно продвинулась на востоке, шагнув за Волгу и Урал (19, с. 11). С этого времени восточное направление движения становится постоянным вплоть до второй половины XIX в., пока в 1867 г. Александр II не продаст владения империи в Русской Америке. Между тем, до 1700 г. русское движение через Северную Азию не было ни великим замыслом, ни четко координируемым, планируемым национальным предприятием. Это были, в основном, усилия промышленников; служилых людей; военнопленных; российских политических ссыльных или церковных диссидентов; государственных крестьян, мастеровых и священнослужителей; купцов; гулящих людей; местных проводников и вооруженных отрядов коренных жителей, кооперировавшихся с русскими по различным причинам (2, р. Li).

Само правительство, ориентированное на центральные территории, долгое время не формировало стратегию восточного фронта, его земли воспринимались лишь как источник пушнины и место ссылки. Однако обладание обширными территориями было показателем величия империи, поэтому государство не только сквозь пальцы смотрело на беглецов, решивших поселиться в Сибири, а затем и на Дальнем Востоке, но и для закрепления за империей земель на них отправлялись крестьянские семьи. В эпоху Великих географических открытий, когда каждая уважающая себя европейская держава стремилась к приобретению колоний, принадлежность к «клубу» колониальных держав выводила Российскую империю из категории «варварских» в категорию «цивилизованных» стран. Таким образом, шли параллельные процессы государственного «собирания» земель (формирования национального государства) и колониационного освоения свободных (малозаселенных и привлекательных для земледелия) пространств. Специфика российской правительственной колонизации заключалась не столько в желании эксплуатировать вновь приобретенные территории и коренное население, сколько в стремлении обеспечить геополитическую стабильность на своих границах. За пределами климатических зон, доступных для земледелия, ни земли, ни рабский труд не интересовали ни российское правительство, ни русских переселенцев. Поэтому в отношении «инородцев» архаичный принцип уплаты дани (ясака) действовал до конца дореволюционной эпохи (9, с. 146–147).

Политический, военный, культурный и экономический рывок России в ходе Петровских реформ и дальнейшего развития империи в течение XVIII в., был, по сути, не чем иным, как – сначала